

Большая и нежность в век «волкодава»

Соб. Россия. - 1991. - 21 Дек.

● Люди становятся сентиментальными скорее от огорчений, нежели от любви.
● Настоящая любовь не терпит посторонних.
● Самое страшное, братья, — это время. Время. Мгновение, которое мы переживаем и которым все-таки никогда не владеем.
● Мужчина не может жить для любви. Но жить для другого человека может.

● Совесть мучит обычно не тех, кто виноват.
● Ненависть делает человека староженым.
● ...Чудо всегда ждет нас где-то рядом с отчаянием.
● Любый диктатор начинает свою деятельность с того, что упрощает все понятия.

Когда я смотрю на нашу сегодняшнюю жизнь, то чувствую, что когда-то мною это уже было пережито, уже знакомо мне все: и инфляция, и угнетенное состояние людей, их хмурые, озлобленные лица, и разгул черного рынка... И витающее в воздухе, густеющее до грозового предела ожидание перемен. Известен мне и единственный способ сохранить в себе человека в этой злой и предательской жизни. Откуда это знание, узнаваемость ситуации? Из книг Ремарка...

Мне думается, что именно в России Ремарк нашел своего читателя. В России многие носят Ремарка в сердце. Его книги «сметаемы» даже с приличной коммерческой книжечкой, а ведь цены на эти книги сравнимы лишь с ценами на бестселлеры Дюма и Кристи.

И знал дух подонков до того, как они прочли «Трех товарищей». Видел их и после. Глаза потеплели. И, по моим сведениям, ребяташки эти не приставали больше к старикам с гнусостями.

В чем же секрет ремарковского обаяния?

...И в том, что в жизни так мало Людей, и когда жизнь так мелькает, в его книгах по-прежнему главенствует возвышенность и распахнутость «миру и городу!» И сердце забывает о пиришестве смерти за окнами. И сердце — теплый комок человечности — бьется, бьется, бьется, утопая и бултыхаясь в волнах нежности, и ты только и успеваешь, что от души вздыхать: «Во дает! Мудр! Человечен!» Ты влюбляешься в «его любимых» и теряешь их вместе с ним. Разве что не обмываешь и не причисываешь их. Уже мертвых...

...И в том, что сам автор этих романов романтичен. И беззащитен, и нежен! Тогда, когда из жизни истребляется все человеческое, когда лозунгом времени провозглашаются: «человек человеку — скот» или «не обманешь — не проживешь», а Ремарк по-прежнему честным, порядочным, «воздушным» человеком и заставляет нас, его читателей, думать о жизненном выборе в пору безлюдья...

...И в том, что Ремарк очень близок русским. Писателям и поэтам. Пушкину с его всезнанием и мудростью. Есенину с его невыносимой искренностью. Грину с его неизлечимой мечтательностью. Гаршину и Башлачеву с их предельной символическостью, с предельным кровотоком их строк.

Ремарк близок русским! Ибо в великой России особенно много людей, которые снимают последнюю рубаху и отогреть тебя, несмотря на то, раздираема ли эта страна торгашами или политиками. Ибо в России, как нигде на планете, люди расположены к сентиментальности, душевности. Расположены к тому, что он лелеял и воспевал. Чем жил.

Россия отвечает Ремарку нежной любовью. Замечали ли вы, какими мягкими и искренними становятся глаза и голос говорящего о Ремарке? Так радуешься оттого, что увидел собрата по человечности...

Но в то время как вся Россия таяла от любовно и понятно выписанных Ремарком человечности и нежности, критики наши как-то по-бараньи уперто, однобоко «оценивали» одного из самых поэтичных прозаиков века. Опирались на один — идейный, «коммориальный» вариант прочтения Ремарка. Его хвалили за антифашизм, критиковали за «неверие в возможность разгрома фашистского государства», за недостаточный диалектизм... В то время как основной критерий оценки его творчества — трагическое несоответствие Ремарка-романтика с его Ремарка, жестоким временем.

«Вы знаете, каким он денди был» — в таком духе о Ремарке писали на Западе. Советская критика вообще не упоминала о его личной жизни. А при чтении желание «видеть его жизнь» усиливается так же невероятно, как и наплывы нежности. Когда читаешь Ремарка, почему-то особенно хочется увидеть его глаза.

Как же вам повезет, если вы посмотрите в его лицо! Сквозь пыль и желтизну старого издания пробивается взгляд чинного господина. Контуры двойного подбородка. Пухлые щеки, добрейшие любвеобильные губы. Морщины. Мешочки под глазами. И глаза, нетипичные для обеспеченного европейца. Славянские. Печальные, перестрадавшие. Лукавые, с живительной хитринкой, растопляющие тебя. Одет с иголки. Шляпа «а-ля чикагский мафиози двадцатых годов». Темный костюм «тройка». Белая сорочка. Широкий галстук. Всем своим видом Ремарк разрушает миф о поэте, как о «неряшливом субъекте с непричесанными волосами»...

Дефицит его изображений, оценка его книг с классовых позиций... Приходится искать самому. Полагаясь на фактуру источников «из-за бугра».

Но каково же было мое изумление, когда я узнал о том, что на Украине живет человек, не просто знавший молодого Ремарка, но и премилым общавшийся с ним в одном из «богемных» парижских кафе! Более того — человек, который рассказал Ремарку эпизод из своей жизни и увидел позже его воскресенным в «Трех товарищах». О своей встрече с Ремарком он рассказал спустя 53 года в изданной за свой счет автобиографической книге «Как я был двойником». Эти мемуары вышли в Ростове-на-Дону.

Юрию Михайловичу Федичкину — 87 лет.

Я попросил его рассказать о своей встрече с Ремарком поподробней. Он заметил, что виделся с ним в 1932 году в кафе «Куполь» на Монпарнасе. Встречались 4—5 раз за столиком на тротуаре. Ремарк был с американской актрисой по имени Мэри, Ю. М.— с женой. Общались на французском, хотя никто из четверых французов не был. Шутили, вспоминая смешные истории из жизни. Один из «автоанекдотов» Ремарк и позаимствовал у будущего разведчика. Ремарк обнаружил слабость к спиртному. Он был нежен со своей дамой, всегда был в превосходном настроении. Острил,

улыбался. Несмотря на все им ранее пережитое.

Эрих Мария (настоящее имя — Эрих Пауль) Ремарк родился в семье владельца небольшой переплетной мастерской в немецком Оснабрюке. В первую мировую получил пять ранений. В госпитале играл на пианино и завел роман с дочкой своего доктора.

20-е годы в Германии. Там тогда был свой «рынок». Занять место под солнцем стремились миллионы сограждан. «К черту добро, нужно хапать и врать» — вот принцип, воцарившийся в немецком обществе. «Бумагой» были немецкие марки — зарплата выдавалась дважды на день. Распад общества больно отзывался в сердце Ремарка. Он знал пожилых калеки, подававшихся в педерасты. Наблюдая за бюргерами, мочившимися спяну на могильные постаменты. Страдал из-за многодетных семей, из-за голода отравившихся газом.

В эпоху «собачьего» отношения властей к человеку «волчьими» стали отношения между людьми. Спусти много лет в «Черном обелиске» Ремарк вынес свой приговор этому обществу. Исходя из законов романтичности и человечности.

Мне страшно от того, что история повторяется. В моей России молодая мать умирает от двух своих детишек — «нечем кормить». В моей России мужья отказываются хоронить своих жен — «нет денег на погребение». В моей России прапорщик «продает» воинский склад за несколько стаканов водки. В моей родной стране преступник сдирает кожу с лица ребенка — «убийство» становится потехой...

Мне страшно от того, что если ты не в стаде — личит, ты против всех, от того, что дружба продается за банку пива и бывшие друзья могут «побежать» по твоему трупу.

От того, что в погоне за тряпкой россияне теряют то, что отличало их от всех на этой планете — душевность, романтичность, человечность.

Пока бюргеры мочились на памятники, Германия выбрала грубую вакханалию

улетели в сатанинский костюм вслед за «Капиталом». Ремарк «ушел» от своей страны по-настоящему. На чужбину.

Мир тесен. Сестра его первой жены состояла в браке с родственником Геринга. Тесный мир смешон. Через несколько недель после ремарковского отъезда из Германии, тучный Геринг ввалился в шикарный берлинский ресторан, куда хаживал Ремарк, плюхнувшись в кресло, потребовал меню. Заказал «горячее» и «холодное». Кроме того спросил бутылочку винца, того самого, что любил «окалнить» Ремарк». Официант раздел рукави и ответил создателю концлагрей: Ремарк не уехали из Германии, пока не откушали все вино этого сорта...

Перед второй мировой войной Ремарк уехал в Америку. Гражданином США его признали только в 1947 году. Он пришел в Голливуд и стал душой компании Греты Гарбо, Чаплина, Хемингуэя. Ремарковские сценарии были так популярны, а фильмы, снятые по ним, настолько прибыльны, что он — чужак, эмигрант, певец небесной мечты — был признан «неофициальным королем Голливуда».

Его романы кинематографичны. Исповедальность вливается в импульсивные и насыщенные диалоги. Он писал размахистым почерком, предпочитая остроотточенные карандаши. Восхищались трудолюбием Томаса Манна, жалел о «потерянном в праздности» времени. На склоне лет он признался, что нишет по слуху, выбирал слова по их звучанию. В детстве он хотел быть музыкантом.

Он обожал театр и создал свой театр. Обворожительные актрисы сопровождали его всю жизнь. Актрисами были его первая жена и последняя. Вторую жену — Паулетту Годар он называл самой умной женщиной века. Голливудская кинозвезда Марлен Дитрих в списке самых прелекательных мужчин столетия первое место отводила Ремарку. А он, замкнутый, недоступный для журналистов, искренний разве что с ручкой и бумагой, очень волновался, полагая, что «когда-нибудь Марлен опубликует нашу трогательную переписку». Дитрих хранила его письма в банковском сейфе. Их тайну она унесла с собой. В небытие.

По Ремарку — человек без любви не более чем покойник в отпуске. Но волшебной сказкой со счастливым концом-венцом любовь в его романах нельзя назвать никак. Любовь его «мужчин и женщин» — это самоосжигание. Это — укрытие одного в объятиях другого, когда за окнами хаос и безлюдье. Невероятное самосжигание. У Ремарка любят очень и очень нежно. А иначе любить — невозможно.

В двадцатом веке сотни миллионов людей, уйдя из жизни по своей, чужой, Божьей ли воле, так и пролегли над жизнью, ничего не оставив человечеству. Ремарк подарил людям не только свои рукописи. Больше. До боли прямой пример того, что в двадцатом веке «создана» можно жить, можно остаться Человеком. Ремарковские романы так и кричат — будь Человеком! Ремарковские книги так и стонут — да как же можно забыть о доброте, мечтательности, человечности, променяв это на тряпки, деньги, карьеру, унижение — словом, убогую мелочную суету?

И жизнь самого Ремарка есть полное высвобождение от «пошлости», «каких-либо комплексов». Перестрадав, пойми, что другим бывает хуже. Не потони в брани. Перестань по-детски разделять мир только лишь на плохое и хорошее. Поднимись над сиюминутным и нытьем, над озлобленностью и «самовозвеличиванием» вроде «Я такой хороший, а мне так плохо, да пошли вы все...» Не потеряйся в толпе, будь личностью, но отрешись от бунтов и революций — мир не изменишь. Будь нежным — будет нежным мир. Не погрязни в быте, карьере, власти, деньгах, это так далеко от мечты!

Максим МАКАРЫЧЕВ,
студент РГУ.
Ростов-на-Дону.

В 1933 году книги Ремарка